

КТО ЗАХОЧЕТ, ТОТ ДОЙДЁТ

В ходе Московской международной книжной выставки-ярмарки в этом году прошла презентация новой книги – романа «Пламенеющий воздух». Автор **Борис Тимофеевич Евсеев** – лауреат премии Правительства России, премии «Венец», Бунинской и Горьковской литературных премий, финалист «Большой книги», «Русского Буккера», «Ясной Поляны». Там, в приглушающем ярмарочные шумы «аквариуме» авторской площадки мы и познакомились. Мысли и чувства тогда были слишком растрепаны шквальным выступлением автора в защиту теории пятой стихии – мирового эфира, эфирного ветра... Да и книгу только ещё предстояло прочесть. Поэтому договорились встретиться для интервью в более спокойной обстановке.

Так я попала в святая святых – кабинет писателя. Книжные полки – лучший интерьер, лучшая защита, лучшее сопровождение разговора о литературных делах и судьбах – обеспечивали замкнутость и сосредоточенность пространства.

Тем не менее беседа началась с неожиданного диссонанса. Мой комплимент его творческой манере, облечённый в форму устной мини-рецензии Борис Тимофеевич, не дослушав, принял за критический выпад – и... огорчился. До того, что весь дальнейший разговор сопровождался рефреном: «... И написано всё очень просто, даже вы не скажете, что это нечитабельно...» Всякий раз в ответ взвизывал мой горестный вопль: «Помилуйте, я этого вовсе не говорила!..» Конечно, это скоро перешло в шутку. Мой собеседник, ко всему прочему, оказался изрядным иронистом и подколшиком.

Но если серьёзно, то, говоря о непростой для читателя евсеевской манере письма, я имела в виду ядрёный, перенасыщенный букет «волшебного напитка» его текстов. Бывают такие сложные вина, из самых, между прочим, ценных, которые даже глотаются с трудом, которые изумляют, но оставляют долгое и чудесное послевкусие...

Нечто подобное происходит при чтении произведений этого ни на кого не похожего, хотя и пронизанного влияниями многих классиков, автора. Ощущение, будто бредёшь в густых сумерках навстречу порывистому, на что-то осерчавшему ветру, по неведомой тропе к цели, которую долго не можешь угадать. И мало того, что надо преодолевать напор неукротимой стихии, так тебя ещё то сорвавшейся веткой по голове долбанёт, то мокрым листом по щеке шлёпнет, а вокруг какие-то аллегорические птицы летают – умные соколы, мудрые вороны... на обочине нечисть поганая сладострастно помещивает в котле варево очередной пако-сти-подлости-интриги... а мимо диковатыми прыжками скачут (именно так, скачут, а не идут) персонажи, которых ты даже не успеваешь толком разглядеть... Когда, наконец, добираешься до финала, чувствуешь себя порядком обалдевшим, но и взбодрённым,

и вразумлённым, и весьма довольным. Довольным тем, что одолел этот путь; и тем, что начал догадываться, пусть смутно, зачем бодался с этой бурей... А главное, хочется вернуться к началу и пройти тем же следом ещё и ещё раз, только теперь уже более осмысленно. И это обязательно надо

В советское время, отвергая мои произведения, во внутренних рецензиях писали: «Придерживается реакционной русской религиозной философии...»

сделать. При повторном чтении ветер словно бы укрощается, тропа выступает из мрака, цель уже куда более ясно проглядывает вдаль, гнусняки, снующие вокруг зловещего котла, превращаются в обыкновенных крыс, опасных, конечно, но и вполне нам знакомых... сокол спокойно парит в небесах, а ворон сидит себе на ветке, не вмешиваясь в людские дела... Да и герои, словно опомнившись, переходят на шаг, вступают с тобой в разговор...

Кто читал, тот поймёт. А кто ещё не открыл для себя Бориса Евсева, рекомендую. Да, он писатель не простой. Но при этом влекущий, завораживающий. Потому что – настоящий. В его произведениях зашифровано много смыслов и много загадок. Но иногда предлагаются и отгадки.

В стародавние времена, когда писатели у нас считались учителями жизни, самые разные люди, бывало, совершенно серьёзно требовали у них разъяснения: как жить? Теперь вопросы «кто виноват?» и «что делать?» перенесены мыслителями в архив и подобраны для расхожих нужд юмористами. Оно бы и ладно, да жить-то всё-таки как, по-прежнему мало кто знает. Так вот, Борис Евсеев из тех редчайших ныне авторов, которые от подобных вопросов не прячутся, сами над ними быются, а иногда на них даже отвечают. По-своему.

Варианты от Евсева – не из области сатиры и юмора. В них чувствуется глубокая серьёзность. И подлинность. И «дышат почва и судьба».

«В меня верили три человека. Это много...»

Борис Тимофеевич, поговорим о судьбе. Один заграничный мэтр утверждал: чтобы стать писателем, надо иметь талант и несчастное детство...

Ибсен мыслил шире. Один из его героев, скальд, говорит: «Я получил дар страдания и стал певцом». То есть, только людям страдающим дано проникнуть в тайны творчества... Одна из моих книг называется «Лавка нищих». Её раскупили в полгода. Она попала в шорт-лист «Большой книги», хотя обычно рассказы туда не попадают. В этой книге очень просто, проще некуда, рассказывается о жизни русского пригорода...

Нищие, юридивые, всякая прочая публика, выпавшая из контекста времени... В этих персонажах – и ваш жизненный опыт?

Да. Моя писательская судьба складывалась сложно. И это отозвалось в творчестве. Писатель, который пишет «в стол», это всегда вырезающий писатель. Но ведь писатель может и не дожить до полного вызревания! Я дожил, а сотни людей, которых не печатали, – спились, покончили с собой, уехали, перестали заниматься творчеством, не выдержали прессинга молчания, этого тяжёлого подводного удушья...

В советское время мои вещи были стопроцентно «непроходными». Смолоду я увлекался религиозной философией, она оставляла след в моих текстах. Отвергая мои произведения, во внутренних рецензиях писали: «Находится под влиянием реакционной религиозной философии...» И в героях моих всегда что-то было «не так»...

Как-то мало вы похожи на средне-статистического диссидента...

У меня были неприятности с коммунистическим режимом, но, в отличие от очень многих «страдальцев», я не клянусь советское время, потому что я в нём жил и очень люблю его. Не клял бы и римские времена, и время Грозного Ивана. Время дано человеку, чтобы он познал свою суть. И чтобы испытать че-

Когда и как произошёл «писательский» прорыв, когда вы вышли к читателю?

В 1991 г. сразу пять «толстых» журналов меня напечатали. Но людям тогда не до того было... Голос литературы смолк, его перестали слышать. Так продолжалось

... всё, что бы я ни писал, это о душе человека. У меня есть целый роман «Отречённые гимны», посвящённый исследованию того, что такое душа.

ловека: ты прочен или слаб? Ты будешь стоять до конца или сдашься?

Но вы ведь действительно пострадали...

Был тяжёлый момент, когда у меня украли и переправили в прокуратуру черновое письмо в защиту Солженицына. В письме я требовал, чтобы ему дали высказаться в советской печати. Это был конец 1973 года... Ещё я самиздатом занимался. Мы выпускали то, за что тогда сажали. Например, «Лебединый стан» Цветаевой, «Самопознание» Бердяева... Были и другие трудности. В своё время ради куска хлеба пришлось продать много ценных книг. В домашней библиотеке сегодня не достаёт трёх-четырёх полок редких изданий 1920-1930-х гг. Артём Весёлый 1930 года издания стоит, а вот академических изданий Тарле и Мольера нет. Не было работы, я был отовсюду изгнан. Три года без прописки скитался по Союзу. Меня настойчиво толкали на путь «отщепенца». Я действительно полгода был диссидентом, посещал сходки, изучал программы. С этого пути меня увело творчество. Я понял: нельзя быть одновременно диссидентом и творцом чего-то. Когда тебя начинает тянуть на политику и публицистику, ты перестаёшь быть собой. Ни Буниным, ни Чеховым на этом пути не стать. А путь Солженицына меня не привлекал. Но одно дело политизированное диссидентство и совсем другое – общественная правозащита! Правозащитником – без участия в политической борьбе – я остаюсь и по сей день.

почти все 1990-е и в начале 2000-х. Задержка с выходом к читателю, конечно, отразилась на жизни семьи. Мои дети никогда не знали достатка. Жили мы под Москвой, в очень стеснённых условиях. Телевизор у нас появился в 1998 г. Я, конечно, и без телевизора знал, что происходит. Читал прессу, слушал радио. Но повседневная жизнь была деформирована. Сперва советским, потом постсоветским периодом. Жизнь была деформирована, но творчество от этого только выиграло! Я стал не таким поверхностным. Стал «усложняться». Научился, подобно змею, которого заваливают камнями со всех сторон, искать спасительные выходы. Не публикуясь, научился находить темы и ниши, никем не занятые, до меня не открытые, нащупал собственный путь...

Когда я рассказываю, что в юности был легкомысленным и весёлым, мои дети не верят: «Этого не может быть, ты, папа, совсем не такой...» Я благодарен сложному времени 1970–1980-х за то, что оно не позволило мне сделаться жалким шалопаем или богемным надувалой: на скрипочке поигрываешь, стишки пописываешь, девушки рядом вьются...

Сложность жизненных обстоятельств привела к увеличению удельного веса мастерства. Я стал понимать, что такое замысел. Стал точнее работать с деталью. Я находил новое, а не придумывал его!

Когда вы писали уже и сознательно, и много, и при этом впереди не светило ничего, похожего на признание, вы верили, что когда-ни-

будь успех к вашим произведениям всё-таки придёт?

Ещё как верил! И сейчас верю: если проживу достаточно – достижения будут разительней. Мне кажется, я нашёл материю своей прозы. Не я это сказал. Так пишут литературоведы, критики. Нашёл свою интонацию, стиль. Я их не выпячиваю, скорее прячу, но они есть. И это обязательно будет замечено. Не нынешним, так следующим поколением читателей.

А кроме вас кто-то верил?

Почти никто. Даже родители сомневались. Я хорошо играл на скрипке. В Херсонском музыкальном училище и Гнесинском институте отлично учили. Когда я объявил, что бросаю заниматься музыкой, все были, как сейчас говорят, в шоке. Но всё-таки три человека считали, что из моего писательства что-то получится. Сестра, жена, один из друзей...

Неверие окружающих – тяжёлое испытание. Был такой выдающийся писатель Леонид Добычин. Его и сейчас плохо знают, а в 1920–1930-е г. не знали совсем. Его родители и родственники считали: пустым он делом занимается. Вот у него была более тяжёлая ситуация, поскольку в то, что из него может получиться настоящий писатель, не верил никто.

Да, меня 17 лет не печатали. С 1974-го, когда я начал отдавать свои произведения в печать, до 1991-го. Я горевал, но твёрдо знал: перелом будет.

А вот печататься за рубежом, как мне это настойчиво рекомендовали, не соглашался. Говорили: «Ты облей тут всё грязью как следует. Покажи им все нужники. Расскажи, что в России творится...» Пасквили писать я не хотел. Да и жизнь в стране была разнообразной и интересной! Показывать её одномерно всё равно, что говорить: слон состоит из хвоста и ворсинок на нём! Кроме того, писатель должен быть сначала обязательно услышан в своей языковой среде: не мёртвой, не вычурно-эмигрантской, – в живой среде, кровоточащей, развивающейся! Язык – энергия нации. Книга – запечатлён-

ная энергия языка. И, наконец, язык – единственный настоящий, а не поддельный свидетель эпохи!

«Вся моя проза – попытка выйти за пределы...»

Так вы – почвенник? Ведь как бы ни пытались объединить давным-давно расколотившуюся на западников и славянофилов нашу литературу, она всё равно в каждую эпоху распадается именно по этому признаку...

Это есть, конечно. Некоторые считают меня западником, а другие – почвенником.

А сами-то себя вы как позиционируете?

Я – просвещённый почвенник. Если точнее – я русский европеец. На мой взгляд, правильная почвенническая позиция заключается в том, чтобы, признавая достижения Запада, крепко стоять на своей земле. Я учился у западных корифеев, читал и в подлинниках, и в переводах. Сам переводил когда-то украинскую, польскую и английскую поэзию. Достаточно читал прозы на английском и польском. В последние месяцы перевёл с украинского два десятка стихотворений прекрасного поэта Анатолия Марушака, для удовольствия и чтобы не забывать язык, который хорошо знал с детства... Думаю, во мне сходятся, не враждую, некоторые черты западничества и нашего славянофильства.

Вас переводят?

Переводят, но немного и sporadически. Для переводов нужны финансовые вливания и продвижение отсюда, из России... Многих наших, кого активно переводят там, жёстко продвигают отсюда. Я это хорошо знаю. Переводчиков вознаграждают и грантами, и поездками в бывшие имения. «А переведите мне такого-то...» – часто говорят зарубежному переводчику. Тот под козырёк – и давай переводить всё, на что Федеральное агентство по печати пальцем укажет. Но меня всё равно будут переводить.

Если композитор пишет симфонию под впечатлением чьей-то судьбы или чьего-либо творчества, в музыке обязательно будет присутствовать некий сквозной мотив, ведущая тема... А вы могли бы вычленить главную тему из того, что вам довелось пережить и написать?

Вся моя проза – это попытки выйти за пределы того, что обозначено властью ли, требованиями социума или даже мной самим.

То, что пронизывает и питает всё остальное.

Писатель одной темы, по-моему, – это всегда недостаточный писатель. Но, в общем, всё, что бы я ни писал, это о душе человека. У меня есть роман «Отречённые гимны», целиком посвящённый исследованию психофизического феномена души. Там не сложи-вопли: «Ах, душа!» Там серьёзный текст, который в своё время произвел сильное впечатление, скажем так, в узких кругах. Душа человека во всех её ипостасях, наверное, и есть моя основная тема. В новом романе «Пламенеющий воздух» речь тоже о ней. Там появляется новое понятие, впрочем, опирающееся на традиции «русского космизма» – это душетела. Никакой фантастики в этом нет. Вообще я не склонен к фантастике. То, что я пишу, – проза фантастической действительности!

Не так давно пытались и сейчас пытаются определить вес души. Это достаточно тонкие вещи, которые рассматриваются и в науке, и в религии, и в философии. Другой важный момент – стремление за пределы. Это нельзя назвать темой, но это очень чёткое устремление, которое по дороге цепляет определённые темы. Моя проза – попытки выйти за пределы того, что обозначено властью и требованиями социума. Я всегда хотел выйти за пределы самого себя. Не прыгнуть выше головы, а стать выше обстоятельств и скучноватой хронологии: родился – женился – составил – умер...

В «Евстигнее» вы сумели найти такого безоговорочно выдающегося героя, поднять такой глубинный пласт истории русской музыки, совершить такой неоспоримый подвиг просветительства, что никакие идейные или иные недоброжелатели уже не смогли бы ничего воз-

разить, даже если бы очень хотели и пытались. А вот последний роман наверняка будет не всеми принят. Уж очень экзотичен возврат к давно погребённой, а потом и всеми позабытой эфирной теории. Какова первая реакция на книгу?

Реакция заинтересованная. Об эфирном ветре у нас вообще никто ничего не знает, а про эфир знают лишь то, что это дела давно минувших дней. На самом деле во всём мире сейчас идёт пусть небольшая, но очень интенсивная работа по изучению этого состояния материи. Заинтересовались эфиром ещё в Древней Греции, а с XIX в. им стали заниматься серьёзные учёные. Потом Эйнштейн задумался: «Если есть эфир, то моя теория относительности не существует...» Через два года он добавил: «Всё-таки эфир существует...» Эфир поменяет все наши воззрения. Я это не придумал. Я просто обновил тему и постарался добавить своего понимания.

Вы спросили о реакции. Вышло несколько серьёзных статей – Льва Анненского, Татьяны Сургановой, Александры Кирова, Евгении Кулаковской, большое количество откликов в Интернете. Отрицательных отзывов пока не было. Но если будут, я буду готов бороться за эфир, буду возражать, просвещать, убеждать! Я – энтузиаст новой эфирной жизни!

Те, кого вы перечислили, это интеллектуалы. Я читала отзыв Сургановой, умный, возвышенный, про-

никновенный... А вот «Книжное обозрение» в своём блиц-выпуске на ММКВЯ не упустило случая воткнуть шпильку в писателя, пустившегося на встречу с читателями в высокоумные разъяснения по части теоретической физики, вместо того чтобы рекламировать собственную книгу.

Ни умный, ни дурак не знают, чем всё закончится. Мы пытаемся разгадать тайну мира. И будем пытаться.

Конечно, не все согласятся с тем, что эфир существует и его надо исследовать... Кстати, ничего «высокоумного» я во время той встречи не говорил, а рассказал, как группа советских учёных обратилась к Хрущеву с требованием запретить упоминание эфира в печати. Хрущёв почесал затылок и «выдал» нетленку: «Эфир – это вечный двигатель...» То есть, приравнял проблему эфира к проблеме вечного двигателя. Тему тут же списали в архив. Сейчас интерес к эфиру и эфирному ветру возрождается во всем мире. Но тема эфира имеет три пласта: метафизический, физический и религиозно-философский. Понимая это, я не хотел умничать. И потому снизил не уровень, а тон разговора об эфире! Мой замысел как раз и заключался в снижении тона и жанра. Пожалуй, правильно будет определить роман как философско-плутовской. Подобное делал Вольтер в философских повестях «Кандид», «Микромегас», «Простодушный». Он намеренно снижал проблему для того, чтобы её было проще понять. Низведение образов героев до уровня литературного негра, туповатого олигарха и другие «низводилки» предприняты мной умышленно, чтобы сделать текст ближе и понятней читателю.

Для вас в самом деле было важнее представить публике забытую теорию, чем собственную книгу?

Люди книгу прочтут. А теория эфира обновится! Да книгу уже и прочита-

ли. Причём многие залпом. Не прочесть её до конца – невозможно. А вот осознать, что такое эфир, людям труднее. Поэтому я и выступил на ярмарке с маленькой лекцией. Надеюсь, в скором времени удастся поговорить и более серьёзно. Есть предложение провести круглый стол, где бы высказа-

лись доктора наук, серьёзные учёные, а не балаганные литературоведы. Там, надеюсь, уже будет разговор о прозе. Проза – инструмент познания. Если бы не проза, я не смог бы до эфира добраться! Ни в поэзии, ни в драме, ни в философской статье тех вещей, что приоткрылись в романе, найти было невозможно. Современная проза обладает инструментарием, которым, кроме неё, сейчас обладает только серьёзное кино. Остальные искусства нисколько не хуже, я очень люблю поэзию, сам писал и пишу стихи, но у них нет инструментов для вскрытия такой загадки, как эфир. И хотя Андрей Белый восклицал в своей поэме «Первое свидание»: «Я сын эфира – человек!» Дальше этого он не пошёл.

Русская литература должна возвратиться к большому, великому темам. При этом не эксплуатировать большие темы по-чёрному, для добычи денег и славы, а, подняв их, как упавший космический корабль, восстановить и показать всем! Когда-то Пётр Алексеевич Николаев, член-корреспондент РАН, главный редактор «Филологических записок», профессор МГУ, написал статью о моей прозе и назвал её: «Большая литература возвращается». Он настаивал: большая литература – это постановка больших тем и проблем. Без настоящих прорывов за пределы нашей собственной узости – большой литературы быть не может.

«И во снах вижу ветер...»

Есть образы, которые переходят у вас из книги в книгу. Они как не-

отъемлемая часть создаваемого вами мира. Это – ветер, который куролесит, фантазирует, участвует в судьбах героев, осуществляет Божью волю и... норовит потрепать даже читателя! Сокол, который умнее и благороднее тех людей, которым он служит и которых пытается защитить... Ворон-пророк...

Я недавно написал эссе «Русский Дон Кихот», его сразу перевели на испанский. Когда Дон Кихоту говорили, что он сумасшедший, он принимал это как должное. Но писатель-то совсем не сумасшедший. Он мало что выдумывает. Это его подсознание создаёт образы-символы. Я мало выдумываю. Сам себе не раз говорил: брось ты этих птиц, перестань писать о животных! Но не могу не писать о них. Они всегда рядом со мной, начиная с первой прозаической книги «Баран»... Я жил с этими животными в детстве. Не спал в хлеву, конечно. Но они наполняли мой мир. Моя бабушка жила в небольшом казачьем городке Голая Пристань, я к ней часто ездил. У неё было огромное хозяйство, много домашних животных, я рос среди них. Не как Маугли, но был ему, по-моему, сродни. Потому-то эти образы из моей памяти и моего подсознания никогда не уйдут. И как только начну новую книгу, они обязательно появятся в каких-то преломлениях.

Но я не думаю, что явления природы и животные усложняют текст. Писать обыденней, проще? Можно упрощать слог, но нельзя упрощать мир. И потом что-то мне подсказывает: проще романа «Пламенеющий воздух» я ничего не сумею написать.

Зачем же проще? Мне кажется, этот вездесущий ветер вашей прозе просто необходим...

Про ветер в романе сказано: «Ветер, ветер! Ты не один, конечно, на белом свете. Но ты один что-то значишь. Ты один в нашей жизни чего-то стоишь...» Первые слова перифраз из Блока, но потом текст становится своим. Ветер – очень интересное явление! Это один из самых ярких архетипов, самых крупных образов, которые меня всегда сопровождают. И во снах вижу ветер.

Может, потому что вырос в степи. Там ветры разные. Дуют со всех сторон. Смерчи, вихри, суховеи... Великое круговращение ветров! В средней полосе России про ветер вспоминаешь реже, а в степи он – главное действующее лицо.

А сокол? Нет ли тут некоего олицетворения с личностью автора?

Конечно, есть. Это моя природа. По гороскопу я Скорпион. Высокая ипостась Скорпиона – это орёл или сокол. А низкая – это гад ползучий. Но я узнал про то значительно позже, чем стал писать. Да, удивительное сопоставление – превращение скорпиона в сокола. Я человек православный, но тем не менее в астрологические книги всегда заглядываю. Что-то в этом определённо есть. Поэтому в ваших словах – большая доля истины.

Есть у вас одна чарующая вещь, повесть-притча «Мощное падение сокола». Вот он смотрит, этот сокол, с высоты на людские дела, видит какую-то неправильность, чувствует беду, позволяет себе некое благородное вмешательство, но потом у людей всё идёт по какому-то дурному сценарию, и птица в конце концов улетает по своим делам, предоставляя человека его собственной судьбе.

Так оно и есть.

А вы, писатель, так же смотрите на людской незадачливый мир?

Почти. Всё пройдёт. Ни умный, ни дурак не знают, чем всё закончится. Мы пытаемся разгадать тайну мира. И будем пытаться. Одна из таких попыток – познание эфирного ветра. Животные и птицы иногда чувствуют тайны мироздания лучше, чем мы. Я помню, как мучились немцы, когда переводили эту вещь про сокола. Очень хорошая переводчица Ханнелоре Умбрайт говорила: «Я не могу это перевести! Очень хочу, но не могу...» Всё-таки она перевела. Не берутся переводить и Платонова. У меня тяга к своему языку. Мой отец из Тамбовской губернии, а родился я в Херсоне. Тамбовско-воронежские словечки,

конечно, в моё сознание вплелись навсегда. Среднерусское влияние во мне очень сильное. По отцовской линии часть нашего рода из Борисоглебска, часть из Москвы, из Стрелецкой слободы. А по материнской линии – род полтавско-запорожский, казачий. Отсюда и глаз на детали у меня цепкий, военный.

Музыка и слово всегда очень интересно преломлялись. Многие считали, что чем более певучий слог у писателя, тем он более музыкальный. На самом деле ритм роднит прозу и музыку.

«Музыка помогла стать настоящим писателем...»

Не думаю, чтобы среди пишущей братии очень многие хорошо знали и тонко чувствовали музыку. Но вы-то профессиональный музыкант...

Музыка – это уже не подсознание. Это моя жизнь. С шести лет играл на скрипке, а это инструмент, который требует полной отдачи сил. Музыка и слово всегда очень интересно преломлялись. Многие считают, что чем более певучий слог у писателя, тем он музыкальней. На самом деле ритм роднит прозу и музыку. Поэзия имеет константный ритм. Проза, как и музыка, многоритмична. Ритм и мелодия рожают формы. Критики не раз отмечали, что все мои произведения построены по принципу музыкальных сочинений. Я их не строил специально. В музыке существует очень важный предмет: анализ форм. В литературе такого нет. Есть, конечно, анализ жанров. Но многие критики считают жанр чем-то внешним. На самом деле жанр возникает вместе с замыслом. Более того, замысел имеет осязаемую жанровую природу! «Евстигней» написан в форме классической четырёхчастной симфонии. Скажу как на духу: специально этого не делал! Но «Евстигней» сложился именно так. Часть 1. Годы учения. Часть 2. Италия и возвращение. Часть 3. Перелом в судьбе. Часть 4. Кода. Я даже специально приписал рядом со словом «кода» слово «хвост»! Не все ведь знают перевод.

А итальянский язык унаследовал замечательную народную грубоватость. Короткий резкий удар хвостом: что лучше для симфонии и для романа?.. Музыка дала мне многое и способствовала развитию воображения. Даже приходится фантазию сдерживать: слишком далеко заносит.

Музыка помогла стать настоящим писателем. Степень и высоту определяют другие, но то, что связь музыки и слова у меня в прозе качественная, даже враги не отрицают.

Выйди сейчас «Андрей Рублёв», его бы опять запретили

Враги! Давно мы их не поминали...

У меня их предостаточно. Те, кто сдерживали, не пускали, уничтожали мои рукописи, выбрасывали из номеров газет и журналов и набранные статьи обо мне и т.д. Для меня это не менее серьёзная тема, чем для Евстигнея Фомина... Критик Валерия Пустовая заметила: «Евсеев написал роман про себя...» И пояснила этот вывод схожестью судеб. В чём-то наши судьбы и впрямь похожи. Но Фомин так и умер непризнанным. А мне всё-таки удалось дожить.

Да как же в литературе и без врагов?

У меня их слишком много. Целые кланы. Ирония меня часто подводила. Но в моих романах много не только иронии, но и самоиронии.

Евстигней сердило, что при дворе Екатерины музыка была не в фаворе. Вам не кажется, что сейчас происходит нечто в этом же роде, только музыка в рейтинге сановного благорасположения отодвинулась ещё дальше?

Я говорил об этом в передаче «Линия жизни» на канале «Культура». Времена сошлись. Сейчас такое же пренебрежительное отношение к музыке и к высокой литературе, как при дворе Екатерины. Более того, наши правящие круги – через свои агентства и министерства – пытаются диктовать не толь-

колько музыку, но и литературу. В советское время Тарковского обвиняли в жестокости, с какой он показал эпоху русского Средневековья, хотя на самом деле он ещё многое смягчил. И сейчас одни хотят из нашего времени сделать сусальную картинку с матрёшкой сбоку, другие, наоборот, залить дерьмом

ют-то во всём мире больше всего именно Петра Ильича! И эта статистика бьёт любую новоявленную конъюнктуру! Словом, у России сейчас только два пути: путь к расцвету и путь к распаду. Путь бесконечных свар и перманентных революций – путь к распаду. Путь высокого искусства и культуры – к расцвету. Я об этом говорил на недавнем вручении премии Правительства России, в интервью Первому каналу. Но речь мою в эфир не пустили...

Сегодня некоторые из людей власти работают со сценариями подобно тому, как Екатерина писала свои либретто.

ко темы, но даже их развитие. Сегодня некоторые из людей власти работают со сценариями подобно тому, как Екатерина писала свои либретто. Тогда они назывались оперскими сказками. И тогда и сейчас власть (в России, во всяком случае) не мыслит себя без руководства художественным творчеством. Она свободного творчества боится. И знает, что если вовремя со своими версиями и своей редактурой туда не вторгнется, в истории останется именно художественное творчество, а не чиновная власть. У Евстигнея Фомина жизнь переломилась оттого, что он позволил себе искромсать написанное матушкой Екатериной либретто. Времена Павла Первого ещё больше, чем екатерининские, похожи на наше. Политика и художественное творчество напрямую не зависят друг от друга, но сильно переплетаются. Например, развитие комической оперы в России проходило параллельно с развитием общественных начал, освобождением от невыносимых пут. А церковное пение (оно замечательное, я его очень люблю) сдерживало проникновение в музыку новых веяний. Бортнянский очень хороший композитор, но церковный, его светские оперы слабоваты. Он не мог конкурировать с Фоминым. Тем не менее наверху был Бортнянский, а Фомин – внизу. Это не имеет отношения к политике, а имеет отношение к общественной жизни.

И сейчас у нас ситуация повторяется. Художественного творчества в высоких вариантах почти нет. Выйди сейчас фильм «Андрей Рублёв», его бы

«от Москвы до самых до окраин...» Серьёзная проза, качественные кино, театр и музыка такому примитиву противятся. Их цель – не измазать жизнь дёгтем или патокой, а донести её такой, какая она есть, прибавив от себя хоть шепот художественной правды.

И где-то творят свои неведомые шедевры «катакомбные» сценаристы, писатели, композиторы...

Да, и есть музыка, о которой мало кто знает. Я недавно слышал произведение композитора Павла Карманова – для двух фортепьяно и двух скрипок. Превосходная музыка! Где передачи про Павла Карманова? Я не вижу, не слышу. Зато слышу попсу, которая прёт из всех дыр. Вижу груды сочинений Донцовой, Марининой...

Свою книгу для детей «Русские композиторы», как и повесть-сказку о Чайковском «Волшебное перо» я ведь не случайно написал. Жена, преподавая в музыкальной школе и из года в год на вопрос: «Назовите самых известных русских композиторов» получала один и тот же ответ: «Пугачёва и Киркоров». Но и взрослые недалеко от учеников ушли! Только какой-нибудь шестиклассник мог заявить примерно следующее: публике интересна лишь сексуальная жизнь Чайковского. Гадкая, липкая ложь – это месье тусовочной черни Петру Ильичу за его великий дар. Не любят у нас даровитых! А любят лакейскую преданность и парикмахерскую угодливость! Чайковского «опустили» после смерти, измазали... Но слуша-

О корневом бессознательном и литературных школах

Во времена Евстигнея народ искусствами не прельщали, но у него была своя музыка. А сейчас народное творчество истаяло, заглохло. Его нет.

Народная музыка есть. Люди поют. Просто это никто не транслирует. Под Костромой недавно слышал частушки. Очень остроумно, а временами и задушевно.

Частушки это всё-таки по преимуществу текст.

Конечно, народ всё дальше отходит от своей же музыкальной культуры. Сегодня от него требуют совсем другого: быть предприимчивым, а не певучим и поэтичным. Но я, много путешествуя по России, всякое видел. И пьяниц, и бескультурье. Но и культуру тоже видел! Народные песни слышал... Просто музыкальным продюсерам это не интересно. Сидит дед и на балалайке играет – кто это будет показывать?

У нас культурой вообще мало занимаются. Народной – тем паче. А элитарной ещё меньше, потому что не приносит барыша. Одна попса осталась. А это антикультура!

Считаете ли вы проблемой то, что искусство по всему миру утрачивает национальные черты, не воспроизводится в новых поколениях как часть индивидуального облика и менталитета нации?

Меньше воспроизводится, да. Хотя немцы всё равно свои тирольские песни поют, я их слышал. И в России, и на Украине народные песни звучат.

И в Средней Азии, в Бишкеке, видел: сидит человек над ручьём и поёт.

Да, народный лад расколот, уходит. А мелос и звукоряд – чрезвычайно важные вещи. Это одна из составляющих нашего фольклора. У нас об этом мало думают. Нужно поддерживать именно корневые бессознательные движения мелоса, ритма и слова. Эти движения глушатся городской ненужной культурой. Если село когда-нибудь и будет возрождаться, то оно возродится с песен и сказаний. Какие раньше сказительницы были! Они сказывали, из этих сказаний вырастал слог. Появлялись удивительно своеобразные писатели: Борис Шергин, Степан Писахов. Северные писатели поразительные, но не менее поразительны и южные. Это разные школы. А нас всех в советское время их смешали в одну среднестатистическую «советскую». Но у нас как минимум семь литературных школ. И музыкальных тоже. И все эти школы составляют единое богатство нашей литературы.

Близость психотипа человека к своей школе – важнейшая вещь. Этому никто не учит. Этот психотип рождается из песен, народной культуры. Её потерять – потерять нацию. Швейцарцы до сих пор дудят в свои дудочки и разыгрывают сцены с Вильгельмом Теллем. Поют, опевают сюжет, пересказывают. Почему бы и нам своё сокровенное не возрождать?

Профессор Хиггинс у Бернарда Шоу по произношению определял место рождения человека. Вы – быть может, благодаря изощрённому слуху – улавливаете различные оттенки музыки литературной речи. Потому, наверное, и возникла ваша собственная классификация русских литературных школ...

Современную русскую литературу я представляю своим студентам в виде пяти потоков и семи школ. Потоки – новый реализм, метафизический метафоризм, постмодернизм, «иная» проза и новейший или онтологический (сущностный) реализм. К последнему я и сам принадлежу.

Что касается школ... Был такой литературный начальник профессор Мет-

ченко. Однажды, лет 40 или 50 назад, пришёл к нему критик и предложил провести разговор о литературных школах. Метченко, негодуя, встал и сказал: «У нас есть только одна школа – школа социалистического реализма...» На самом деле это, конечно, не так. Школ, на мой взгляд, семь: московская, южная, северная, северо-западная (или «петербургский текст», как называл её Бродский), уральская, восточно-сибирская и – самая мощная – орловско-курская или средне-русская школа прозаического письма. Орловско-курская примечательна тем, что почти все великие наши писатели вышли оттуда: Тургенев, Толстой, Лесков, Бунин... А московская школа – это Шмелёв. Какое неповторимое у него Замоскворечье. Питерская – это Набоков и Добычин, частично Тынянов, Шкловский.

Когда Борис Шергин приехал с Севера в Москву, его спрашивали: «На каком языке вы пишете?» Когда Булгаков появился в Москве, его тоже не хотели понимать. Он писал на хорошем русском языке, но с южной интонацией и ещё рядом особенностей орловско-курской школы. Были у него сложности, и отнюдь не политического порядка... Вообще, оказавшись в Москве, южане либо адаптировались, либо растворялись. Юрий Олеша адаптировался к языку московской школы, сделавшись писателем метафор. А вот Бабель остался писателем южной школы до конца. Это не означает, что один лучше или хуже другого. Но если ввести в литературный обиход понятие «школы»,

то это приведёт к новому пониманию литературного процесса.

Поэтому не все про школы хотят слушать. А кому-то очень интересно. Когда я был в Испании, меня попросили: «Вы писали о литературных школах. Расскажите о них». Я сказал: «У вас под боком замечательная барселонская школа, Хуан Гойтисоло её крупнейший представитель...» В ответ прозвучало: «Это мы знаем, а вот в России есть школы или одним помолом мелют всю литературу?»

И похмелье будет тяжёлым...

Я хочу сказать: недостаточно проработана суть высокой прозы, отсутствует серьёзный анализ, раздражает сосредоточение на жалких околосюжетных сюжетах... А тут ещё премиальное дело. С одной стороны, премии очень полезны, а с другой – губят литературу. Премии загордились от того, что у нас происходит. Но ведь очнутся. И похмелье будет тяжёлым.

Что вы имеете в виду?

У нас есть великолепные писатели. Человек 25 настоящих, крупных. Остальные – тоже хорошие, неплохие; литераторы, беллетристы... Но беда с критикой и литературными журналистами! Они стали обслуживать кланы. Иногда – олигархов. Порой пишут за них. Отнюдь не случайно главный герой «Пламенеющего воздуха» – литературный негр. Очень распространённая в Москве профессия. Как-то, ещё в 1990-е гг., для одного издательства я переписал роман. После этого опыта

решил: правильной разгружать вагоны. Бессовестные детективщики переиhrают заграничные книжки. В результате у того, которого я правил, в Волге акула появилась! На полном серьёзе, в Саратове. Акулу пришлось убрать, а она там играла определённую роль. И это не постмодернизм. Просто детектив

Нельзя отказываться, иначе у читателей не будет возможности книгу заметить. Все мои книги получали престижные премии. Как будет дальше – посмотрим. Но за премиями порой не видят, что в литературе не всё ладно! Это обязательно приведёт к деградации. Уже приводит. Возвращается вульгарный

...одни хотят из нашего времени сделать сусальную картинку с матрёшкой сбоку, другие, наоборот, залить дерьмом «от Москвы до самых до окраин...»

выдернули из американского рынка и «перепёрли на язык родных осин...» Ситуация в литературе начинает неприятно напоминать то, что происходило в конце 1930-х гг. Не в политическом смысле, а в плане отношений между людьми. Снова в ходу подсиживание, доносы...

Тревожит стремление не проработать тему, а следовать мейнстриму. Ненавижу это слово. Какой мейнстрим? Кто-то идёт впереди, а мы все за ним сзади? Сейчас стараются выстроить часть литературы под Солженицына (как чуть раньше под постмодернизм). Пишут: «Натурализм возвращается». Да шиш с маслом он возвращается. Возвращается то лучшее, что было в русской литературе конца XIX и в XX в. Разнообразие возвращается! Это была величайшая литература не по названию, по сути. А у нас сейчас стараются искусственно продлить существование соцреализма. Только фамилии в списках другие. Почему так расцвёл Солженицын? Потому что когда-то его выкидывали. А в общем, он – ярчайший образец соцреализма. Тот же производственный роман, только лагерный. Та же умышленность выбора темы. То же непонимание принадлежности к определённой школе. Солженицын южанин. А с конца 1950-х гг. вдруг заговорил как Мельников-Печерский на заимке. Но психотип человека не меняется, принадлежность к геопсихологической школе письма самочинно и по расчёту вытравить нельзя!.. Но я начал с премий. Сам я участвовал и буду в этом процессе участвовать.

производственный роман. Только не на советскую, а на промышленно-олигархическую тему. Возвращаются заказные партийные разносы. Просто сейчас не одна партия диктует писателям, а пять-шесть. Не нужно через партийно-премиальную систему диктовать литературе, какой ей быть!

Если читатель не знает писателя, в этом виноват писатель

Вы тут негодуете, а, судя по тому, что довелось увидеть на ярмарке, некоторые писатели очень даже плохо живут.

Роскошно.

И литературой сегодняшней вполне довольны. У Захара Прилепина есть сборник, в котором он собрал свои интервью с ныне здравствующими писателями, начиная с Проханова и заканчивая...

Прохановым...

Там десятка два фамилий, а тема одна – современная русская литература. Сборник называется «Именины сердца». Только вот у писателей, может, и именины, но читателям-то очень мало достаётся от этого именинного пирога. В магазине покупать книги – дорого, да и далеко не всё там есть. В библиотеках зачастую спрашивать бесполезно, потому что им тоже по большей мере не по карману приобретать всю издающуюся художественную литературу. Можно,

конечно, поискать в Интернете. Но знать бы, что искать. Премии – это всё-таки какой-никакой, а навигатор.

Согласен. Без премий о многих книгах вообще бы ничего не знали. Но для литературы это своего рода капкан. Библиотекам, конечно, сейчас тоже сложно. Вот читатели и скачивают из Интернета. Опустим тот факт, что писатель от этого пиратства ничего не получает. Но хотя бы книгу читатель прочтает! Ведь к читателю прорываться приходится сквозь времена и препоны!

Кстати, первый настоящий прорыв к новым отношениям «писатель – читатель» совершил Чехов. Когда он начал писать свои маленькие рассказы с паузами и подтекстом, читатель стал договаривать за писателя. Это был приём, а не какая-то небрежность! Чехов первым заговорил с народом его языком. Хотя уже и Пушкин пытался. В советское время Зошенко говорил с народом. Не как Чехов, по-другому. Но его понимали. Я не подлаживаюсь под своего читателя. Но я о нём помню. Моя аудитория – университеты, лицеи, интеллигентная публика. Двести тысяч таких читателей в России точно наберётся. Андрей Михайлович Турков, патриарх нашего литературоведения, когда-то написал про роман «Евстигней»: «Евсеев написал роман навырост. Кто захочет – дорастёт, поймёт...» Так и получилось: «Евстигней» вызвал множество откликов в прессе, Интернете. Диалог с читателем и «доведение» читателя до хорошего европейского уровня – две важнейшие задачи современного русского писателя.

А не окажись «Евстигней» в шорт-листе?

Рано или поздно, но всё равно бы прочли. Тем более, он был опубликован в журнале «Октябрь», хотя и в сильном сокращении.

А библиотекам сейчас нужны мощное финансирование, мощное обновление фондов и превращение их в настоящие читательские клубы. Клубная система в России могла бы помочь организовать читателей по каким-то опреде-

лённым признакам. Конечно, нужны постоянные выступления писателей в библиотеках. Но это происходит не так часто, как хотелось бы. А ведь как говорили Ильф и Петров, если читатель не знает писателя, виноват в этом писатель. Я не хочу быть виноватым перед своей публикой.

Когда хочу быть совсем понятным, то пишу детские книги. Вот их-то читают все. Моя книга о русских композиторах, маленькие новелки об их судьбах и произведениях, была издана – с 2002 по 2012 г. – почти стотысячным тиражом. По нынешним временам немало.

А от имени государства поддержкой литературы через библиотеки должно заниматься Министерство культуры. Библиотеки же должны брать на себя роль культурных центров.

Как организовать вокруг книги настоящее, а не мнимое культурное пространство? Это вопрос. Сегодня культурное пространство разорено. В советское время оно было кондовое, его надо было менять, а его просто выбросили. Очевиден и упадок культуры редактирования, культуры продвижения книг. Несколько крупнейших издательств захватили систему распространения и развозят по стране свои книги эшелонами. Остальные стоят в углу и плачут. Есть и ещё одна проблема. Крайне скудна и непрозрачна информация о том, кто даёт деньги на книги, за что и почему? Поэтому трудно анализировать ситуацию и давать рекомендации. Но библиотеки и сами должны работать современной, поворотливой. Однако я оптимист. России без книги не жить. Никогда Россия не будет воспринимать мир иначе, чем через книгу.

Про книжную полку библиотеки

Все выступавшие на ярмарке, когда речь заходила о ныне действующих настоящих писателях, называли примерно одно их количество: 20.

Да, 20–25. Не больше.

Ну и почему бы не обеспечить библиотеки хотя бы их-то произведениями?

Маленький нюанс: у каждого клана, каждого издательства есть свои 20–25 наилучших писателей. Раньше за границей меня всегда спрашивали, есть ли в России писатели, кроме Сорокина и Ерофеева, или у нас только два писателя? До Запада мощно и совсем не случайно доносят «нужную» волну ли-

А библиотекам сейчас нужны мощное финансирование, мощное обновление фондов и превращение их в настоящие читательские клубы.

тературы! Но и Запад заказывает у нас именно ту музыку, которую хочет слышать. Русский мат, например. В первую очередь они хотят увидеть, говоря словами Лескова, «где здесь нужник...»

А мы чего хотим? Наш читатель чего хочет? Я не знаю, чего хотят наши библиотеки.

Мне кажется, в массе своей сегодняшние библиотекари просто не знают, чего хотят, потому что вообще не понимают, что происходит на этом поле. Не в курсе. Боюсь, многие уже 20 лет как не читают новую литературу.

Значит, круг замкнулся. Эти не знают, те не доносят...

Каждую неделю в Москве выходит 500 новых книг. Так что действительно большие есть препоны между читателем и писателем, писателем и читателем. Было бы хорошо, если бы библиотека взяла на себя роль курсирующего туда-сюда трамвая.

Ещё проблема. Кто должен заниматься книгоизданием? Министерство культуры или Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям? Сейчас занимается Федеральное агентство, а правильно ли это?

Сложные отношения у писателей и с Интернетом. Ведь за интернет-публикации мы не получаем ничего! Нужна большая работа по урегулированию этих проблем, и правовая, в том числе.

Нет согласия и в том, что именно нужно продвигать и кого включать

в школьные программы, учебники. Субъективизм хорош в индивидуальном творчестве. Но не тогда, когда нужно реально оценить ситуацию во всей литературе. А у нас, повторяю, нет литературного процесса. Некоторые говорят – это хорошо. Но это скорее плохо. Литературный про-

цесс – это не руководство литературой, а понимание, что в ней реально происходит. Восстановим такое понимание, и библиотекарям станет легче. Даже эта вот информация о том, что в русской литературе реально существуют семь разных школ, что-то для них прояснит.

Допустим, библиотекари живут на Дальнем Востоке. И хотят знать Николая Задорнова или Арсеньева... А им постмодерн сверху «втюхивают». Кого ещё хотят знать дальневосточники? Бажова? Это уральская школа, но всё-таки к ним ближе... Конечно, им и классику, и современность предлагать надо. Но возросшие на дальневосточной почве писатели и их книги должны быть поставлены во главу угла!

А как формируется книжная полка библиотеки сейчас? Что столицы дадут, то и читайте. Или по принципу министерской «табели о рангах писателей»: этот хороший, тот плохой. Этот – «наше всё» (я не шучу, так недавно один крупный чиновник называл публично одного крупного телом постмодерниста!), а тот – изгой. Пока не будет отрегулирован – не сверху, а изнутри, университетской наукой, культурологами, обществом – литературный процесс, пока не поймём, куда несёт нас рок событий, до тех пор библиотекари не будут ориентироваться в современной литературе.

*Беседу вела журналист
Ирина Кирьянова
Фото Сергея Каревского*